

БОРИС
АКУНИН
РОМАН-МЯНО

СМЕРТЬ НА ПРУДЕРШАФТ
**ГРОМ ПОБЕДЫ,
РАЗДАВАЙСЯ!**

Смерть на брудершафт

Борис Акунин

Гром победы, раздавайся!

«Abecca Global Inc»

2009

Акунин Б.

Гром победы, раздавайся! / Б. Акунин — «Abessa Global Inc»,
2009 — (Смерть на брудершафт)

В повести «Гром победы, раздавайся!» русский контрразведчик Алексей Романов получает задание, от которого зависит исход гигантского сражения... «Смерть на брудершафт» – название цикла из 10 повестей в экспериментальном жанре «роман-кино», призванном совместить литературный текст с визуальностью кинематографа.

Содержание

Ум и сердце	5
Совещание в Ставке	10
Штаб Юго-Западного фронта. 10 апреля	13
Высочайшее посещение	15
«Швейцарская» дивизия. 17 апреля	18
Бремя ответственности	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Борис Акунин

Гром победы, раздавайся!

Ум и сердце

Отслужив полтора года в контрразведке, Алексей Романов сделался если не другим человеком, то во всяком случае очень сильно изменился.

Время было страшное, военное. Менялось всё вокруг – люди, страна, мир, причем исключительно к худшему, ибо что доброго может воспоследовать от каждодневного кровопролития и тотального озверения? Однако на себя Романов этот закон не распространял и был уверен, что сам он стал не в пример лучше прежнего: более сильным, твердым, зрелым. Важнее всего то, что теперь он мог считаться в своем новом ремесле настоящим профессионалом. И дело тут не в самомнении, которое, бывает, и подводит. Алексея считали превосходным специалистом люди серьезные, облеченные властью. Несмотря на возраст и скромный чин, доверяли ему ответственные задания, в ходе которых вчерашнему студенту иногда приходилось командовать офицерами, превосходившими его количеством звездочек на погонах. Одним словом, Алеша имел веские основания собой гордиться.

Но в марте шестнадцатого года случился с ним один казус, который продемонстрировал, что до истинного профессионализма подпоручик еще не дорос.

Уже несколько месяцев Алексей служил в контрразведочном управлении Юго-Западного фронта. Удачно провел несколько операций, и вот доверили ему дело особенной важности. Следовало выследить и обезвредить небольшую, но исключительно дерзкую шайку австрийских шпионов, которая устроила ряд взрывов в ремонтных доках и на железной дороге. За неуловимыми диверсантами гонялись давно. Прежний руководитель группы поиска лишился своей должности после того, как австрияки в Одессе, прямо под носом у контрразведки, вывели из строя штабную радиомачту, после чего главком целую неделю оставался без моментальной связи.

Романов с охотой взялся за работу, соединив инстинкт (так называемое «верхнее чутье») с математическим расчетом. Довольно скоро зацепился за нитку, потом вышел и на главаря. Оперативная кличка у этого предприимчивого господина была «Черномор» – из-за большой бороды, а также из-за того, что первой на него начала охотиться контрразведка Черноморского флота. Можно было Черномора брать, но Алексей с арестом не торопился. Согласно заключению экспертов, враги использовали какую-то новую взрывчатку невиданной разрушительной силы. Было установлено, что к подножию радиобашни подбросили планшет, в который никак не могло поместиться более двух фунтов вещества, однако же взрыв сломал мощную металлическую конструкцию, словно спичку. Поэтому начальство требовало, чтобы Черномора взяли не «голым», а вместе с образцом загадочного explosiva.

Усложнение первоначального задания лишь подстегнуло рвение молодого контрразведчика. Он и в университете любил головоломные задачи. В конце концов заковыристое уравнение было подведено к простому и красивому решению. Романов доложил, что операция по захвату полностью готова.

Черномор вознамерился взорвать железнодорожный мост через Днестр, что минимум на месяц парализовало бы транспортировку войск на всем южном крыле фронта. План затеваемой акции Романову был известен почти во всех деталях.

Начальник управления подполковник князь Козловский пожелал лично присутствовать на операции, пообещав ни во что не вмешиваться. Произнес лестные для Алешиного само-

любия слова: «Полюбуюсь, как ты работаешь» (командир и сотрудник с давних пор были на «ты»). Прибыл к назначенному времени элегантный, с тросточкой, в белом костюме – будто на воскресную прогулку.

Романов, конечно, волновался, но в общем был уверен в успехе.

Деться из ловушки Черномору было некуда. Как только явится на причал, тут его, родного, и возьмут.

У маленькой пристани стояло несколько мелких судов – навигация уже началась. Было известно, что шпионы наняли паровой буксир «Наяда», якобы для увеселительной прогулки по весенней реке.

Арестная группа разместилась прямо напротив причала, в паровой кассе: Романов с князем и десяток жандармов с карабинами. Подпоручик не отрывался от бинокля.

– Приехали, – объявил он.

Из пролетки спустился «объект» – крупный мужчина с большой черной бородой, во всегдашней песочной клетчатой паре, в роговых очках. С ним сошла высокая элегантная дама – переодетый шпион Танцор, в прошлом действительно чечеточник. Изображали влюбленную пару, собравшуюся на романтическую прогулку. В руке Черномор нес пикниковую корзину – легко, будто там бутерброды. А между тем, в корзине была взрывчатка, полтора пуда. Каменную опору моста меньшим зарядом не обрушить.

– Они заставят команду буксира прыгнуть за борт, – шепотом рассказывал Алексей. – Это в мартовскую-то воду! А сами прикрепят мину к опоре моста, с пятиминутным запалом. И на полных парах дунут вниз по течению. Если даже часовые сверху что-то заметят или заподозрят, за пять минут спуститься и обезвредить механизм они не успеют.

– Толково, – одобрил князь вражеский план. – Ну давай, командуй. Будем брать?

Но Романов все подкручивал колесико на бинокле.

– Лавр, – вдруг произнес он сдавленным голосом. – Это не он!

– То есть?

– Это не Черномор! Это Лопата, его помощник! У них схожее телосложение. Лопата нацепил костюм Черномора, очки, привесил бороду! Смотри сам!

Лавр Константинович схватил окуляры. Лицо Черномора он знал в малейших черточках – в зеркало реже глядел, чем на фотографии проклятого диверсанта.

– Точно! А где же Черномор?

Вместо ответа подпоручик выругался.

У причала отдавал концы «Бычок» – другой буксир, совсем маленький. На корме стоял здоровяк в брезентовом плаще, с мешком за плечами. Пока все разглядывали «пикникующую пару», он незаметно поднялся на борт. Вот детина коротко оглянулся. У него не было ни бороды, ни очков, но Алексей сразу узнал главного диверсанта.

Смысл маневра был абсолютно ясен. Черномор не догадывался о засаде – иначе он не явился бы на пристань. Австриец просто проявил свою всегдашнюю осторожность, благодаря которой его так долго не могли поймать.

– Что ты намерен делать? – быстро спросил Козловский. – У тебя такой поворот предусмотрен?

– Разумеется. – Романов небрежно пожал плечами. – У меня все возможные варианты просчитаны. Вон «Молния» стоит под парами. – Он показал на белый щегольской катер, скромно покачивавшийся в дальнем конце пристани. – Быстрее на реке нет.

– Тогда что ж ты медлишь?

– До моста четыре версты, догоним. Нужно так взять Лопату с Танцором, чтоб с «Бычка» не заметили. Пусть отплывет подальше.

Непредвиденный фокус Черномора не нарушил хода операции, а лишь несколько его изменил.

«Романтическую пару» взяли быстро и тихо, едва «Бычок» скрылся за излучиной реки. Минуту спустя офицеры и шестеро жандармов (остальные сторожили арестованных) уже взбежали по трапу «Молнии». Чуть-чуть задержал Козловский – он был хром. Еще через полминуты катер взбил винтом воду и понесся вперед.

К исходу первой версты буксирчик снова попал в зону видимости. Стало возможно вести наблюдение в бинокль.

– Похоже, команда не участвует в затее, – отрывисто делился с начальником выводами Алексей. – Шкипер – его зовут Трофимыч – не озирается, дымит трубкой. Матросом у него внук. Кажется, Степкой звать. Тоже спокоен, поплевывает за борт.

– Как это ты в бинокль разглядел, что они Трофимыч и Степка? – заинтересовался Козловский.

– Я знаю всех, кто работает на пристани. Изучил. Парнишка – рыбацкий сын, сирота. Кроме деда никого нет. Буксир их собственный. Жили бы неплохо, если б Трофимыч пил поменьше.

На это князь философски заметил:

– То же самое можно сказать обо мне. Зачем я вчера не остановился на второй бутылке? Не трещала бы башка...

– Черномор оглянулся. Заметил, – прервал Романов. – Снова оглянулся. Заподозрил! Эй, самый полный!

«Молния» прибавила ходу. Расстояние быстро сокращалось.

– Близо к мосту его подпускать нельзя. – Подпоручик не замечал, что от нетерпения колотит свободной рукой по борту. – Черномор – дядя решительный. Может подорвать себя вместе с опорой, взрывчатки у него с избытком. Но, если мы его догоним посреди реки, скорее всего сдастся. Что ему зря погибать? Может, конечно, мешок в воду кинуть, но это ничего. Водолазы найдут.

– Молодец, – похвалил князь, ловко закуривая на ветру. – Всё продумал, всё предусмотрел. А помнишь, каким сосунком я тебя подобрал?

На буксирчике тем временем произошло вот что: диверсант спрятался за рулевую надстройку, наставил на деда с внуком револьвер. Его рот беспрестанно шевелился. Должно быть, угрожает, требует увеличить скорость.

– Команда ничего не знала, так я и думал...

В бинокль было хорошо видно искаженное страхом лицо мальчишки. Не Степка, а Санька, вспомнил подпоручик. Двенадцать лет ему. А живут они в Матросской Слободке.

– Теперь не уйдет. Предлагай сдаться.

Козловский совал рупор. Между «Молнией» и «Бычком» оставалось полсотни шагов. Вдали, верстах в полутора, показался ажурный контур моста.

– Эй, на бригантине! – весело и зло заорал Алеша. – Спускайте штандарт! Все равно не уйдете!

Усиленный медным раструбом голос раскатился по простору.

Как и предполагалось, Черномор схватил мешок – собрался выкинуть за борт перед арестом.

– Пожалуйста, не надо! – еще дурашливей крикнул подпоручик. Настроение у него с каждой секундой становилось все чудесней. – Все равно достанем! Отдадите сами – будем давать в камеру папиросы!

Про Черномора было известно: единственная его слабость – заядлый курильщик.

Как ни странно, подействовало. Мешок снова лег на палубу. Шпион устало вытер лбом лоб, опустил руку с револьвером.

Князь восхищенно фыркнул у Романова за спиной:

– Ну ты, Лёшка, психолог!

Потом фыркнул еще раз – как-то очень уж громко. Алексей удивленно обернулся. Фыркнуло еще раз. Это был не подполковник – звук доносился откуда-то снизу.

Вдруг двигатель затих. Некоторое время катер по инерции еще рассекал волны, но скорость стала снижаться.

– Капитан!!! – в ужасе завопил Романов. – Вы с ума сошли! Что с мотором?!

Из трюма высунулась белая физиономия.

– Виноват... Сейчас разберемся... Новейший американский дизель... Не приобыклись...

– Я вам дам «не приобыклись»! Я же спрашивал, проверили или нет?!

– Проверили, а как же, – лепетал капитан «Молнии». – Всё было в порядке...

В общем, произошла настоящая, форменная катастрофа.

Подпоручик обернулся на удаляющийся «Бычок», приставил к глазам бинокль.

Увидел – крупно – лицо Черномора. Шпион догадался, что произошло, но его черты выражали не радость, а смертную тоску. В первый миг Романов не понял, что это означает. Потом сообразил...

– Он возится в мешке! Кажется, что-то поворачивает! – кричал Козловский. – Лёша, он хочет взорваться вместе с мостом!

Руки Алексея задрожали. В окуляре мелькнула плачущая веснушчатая физиономия Саньки.

– Прыгай за борт! Может, выплывешь! – прошептал Романов. Хотя какое там «выплывешь». До берега далеко, вода плюс десять...

– Делать нечего, – схватил его за плечо Козловский. – Командуй «огонь»!

– Все наверх! – закричал Алексей. – По буксиру целься!

Высыпавшие из трюма жандармы залязгали затворами, приложились.

До «Бычка» было уже больше ста метров, из «браунинга» палить – пустое дело.

Если бы Романов догадался опустить бинокль – тогда, может, и хватило бы решимости дать команду «пли!». Но в стеклянном кружке по-прежнему, будто пойманный в прицел, маячил конопатый Санька из Матросской Слободки.

– Ты что?! – выл Козловский. – Уйдут! Там ведь мост!

– А мальчик? Попадем в него. Или в мешок, а в нем взрывчатка... – постыдно лепетал Алексей.

Князь тогда командовал сам:

– Ребята, огонь! Пли!!!

Загрохотали карабины. Романов разжал пальцы – бинокль вывалился, качнулся на ремешке, ударил в грудь.

Через секунду на поверхности реки с треском распустился огненный бутон. В стороны полетели обломки, какие-то черные куски. Вскинулся дымный столб кипящей воды...

Потом у них с Козловским состоялся разговор, вспоминая который Алёша всякий раз мучительно краснел.

– Думаешь, мне мальчишку с дедом не жалко? – хмуро выговаривал ему подполковник. – Еще как жалко. Мне всех жалко. Но они так или иначе погибли бы. Только с ними сгинул бы и мост. А знаешь, что для нас сейчас значит этот мост? «Старик» (так в штабе называли командующего фронтом) меня третьего дня вызывал. Едет в Ставку. Будет добиваться санкции на наступление. А без моста армиям паралич. Ни подкреплений, ни боеприпасов. Понимаешь ты это или нет?

Романов убито ответил:

– Понимаю...

– Черта лысого ты понимаешь! – Князь покачал головой. – Как был студентом, так и остался... Это в частной жизни ты можешь руководствоваться сердцем. А тут обязан: сердце

в кулак, слушать только разум. Ты ключевой сотрудник контрразведки фронта! На тебе ответственность за миллион человек. И даже больше – за судьбу России... Ничего не попишешь. Иногда приходится переступить через всё, чему нас учили в детстве. Через собственную душу! Иначе профессионалом не станешь. А если мы с тобой не будем в нашем деле профессионалами, то фрицы с австрияками нас переиграют. Они-то умеют руководствоваться умом, а не сердцем. И одолеют они не нас с тобой, не Лавра Козловского с Алексеем Романовым, а *всех нас*, Россию. И не будет больше России. Потому что эта война – на вылет. Либо их империи сгинут, либо наша. Запомни это.

Подпоручик Романов запомнил.

Совещание в Ставке

Первого апреля в могилевской ставке проходил, как выражались штабные остроумцы, «Большой гав-гав». Так они именовали военный совет, в котором участвовали главнокомандующие фронтами. Непочтительный «гав-гав» образовался не потому, что стратеги собачились между собой, а из-за новомодной страсти к аббревиатурам, охватившей всю державу и сильно покорежившей русскую речь. В историческом совещании участвовали: Главковерх (верховный главнокомандующий), Главсев (командующий Северным фронтом), Главзап (командующий Западным фронтом), Главюгзап (командующий Юго-Западным фронтом), Главштаб (начальник Главного штаба) и Главарт (главный инспектор артиллерии). Устроитель подобных мероприятий, Главштаб, картавил на букве «л» – у него получалось: «Соедините меня с Г'авзапом» или «Отправьте это Г'авсеvu». Отсюда и пошло.

Вызванные в Ставку «гавы» прибыли еще накануне, в собственных салон-вагонах, но из-за двух царских поездов места на ближних путях не нашлось, и генералы поселились кто в «Бристоле», кто в «Метрополе» – двух мало-мальски приличных гостиницах захолустного Могилева.

Правда, за месяцы, миновавшие с тех пор, как государь лично принял обязанности Верховного, городишко, по сути дела, стал второй столицей империи и заметно преобразился. На Большой Садовой и Дворянской появились недурные рестораны, скромно именовавшиеся «столовыми». Цены в магазинах стали такими, что фронтовые офицеры только диву давались.

Распорядок дня венценосца был следующим.

В девять ноль ноль его величество поднимался со своей походной кровати, делал гимнастику и завтракал. Потом выслушивал доклад Главштаба по карте фронтов. С одиннадцати до часу принимал посетителей. Обедал, часок спал у себя, на той же койке. В три отправлялся на «роллс-ройсе» в освежающую автомобильную прогулку по окрестностям. В семь неспешно ужинал, после чего смотрел новую фильму, а если таковой не поступало, читал по-английски что-нибудь легкое.

Но ради важного совещания обычное расписание было изменено.

Ровно в одиннадцать утра перед запертыми дверями кабинета выстроилась шеренга адъютантов.

Главштаб начал с доклада об общем положении дел.

Самые интересные события в последнее время происходили в Закавказье, где войска Южного фронта били турок под Трапезундом, но поскольку Главюг, единственный из командующих, на совете отсутствовал, про успехи «южан» сказано было коротко.

Про обстановку на европейских фронтах Главштаб тоже упомянул без подробностей. Зато долго, в деталях, описывал недавние действия нашего Запфронта, весь март теребившего немцев без каких-либо заметных результатов. Главзап слушал, набывчившись, но ни к чему в докладе придраться не смог. Председательствующий оперировал лишь цифрами и фактами, дипломатично уклоняясь от оценок.

На Северном и Юго-Западном активных действий давно не велось, поэтому Главштаб уделил каждому из этих фронтов не более пяти минут. Здесь вводная часть закончилась – без обсуждения. Сегодня командующих собрали не анализировать итоги зимней кампании, а согласовывать план новой, летней.

Настроение у участников было бодрое, но в то же время ощущалось и напряжение. Бодрость объяснялась тем, что после ужасных потерь прошлого года армия получила пополнения, значительно лучше стало со снабжением, а главное – враг перенаправил главные силы на западные фронты, где сейчас под Верденом крутилась страшная мясорубка, ежедневно выплевыва-

вая тысячи и десятки тысяч трупов. Напряжение же возникло из-за различия стратегических взглядов между полководцами.

По старшинству и возрасту, по географической логике первым выступал Главсев, военачальник очень опытный, начинавший еще со Скобелевым, но слышший «осколком прошлого». Сам он, однако же, считал себя единственным трезво мыслящим и дальновидным стратегом российской армии. У него имелась собственная теория ведения войны, которую он пока держал при себе. Генерал полагал, что в боевых действиях нам германцев не одолеть. Враг во всех отношениях сильнее. Но у нас есть свои козыри: просторы, время и ресурсы. Воевать надобно отступательно, выматывая противника и пятась хоть до Волги. Одним словом, по-кутузовски. Ввязываться в драку – только впустую проливать русскую кровушку. Главсев всё ждал, когда Главверх поймет эту истину и призовет его в спасители отечества, как Александр Благословенный призвал старого Кутузова.

В том же смысле была и неспешная, с покашливанием, речь Главсева. Застряли немцы под Верденом – отлично. Воспользуемся этим, чтобы накопить сил. Союзники требуют активности? Что ж, давайте проведем демонстрацию силами нескольких корпусов.

Второй выступающий, Главзап, выразил готовность произвести решительное наступление против германцев, но при условии, что ему вдвое увеличат личный состав, втрое тяжелую артиллерию и вчетверо запас снарядов. Мартовские неудачи у озера Нарочь он объяснял скудостью предоставленных ему средств и низким качеством солдатского материала. Говорил генерал угрюмо, всем видом показывая, что он человек прямой, честный и неискательный. Главзап один из всех был по происхождению немец и помнил об этом каждую минуту. Потому и сказал про «качество материала», хотя знал, что государя это покоробит. Гордость не позволяла его высокопревосходительству изображать из себя ура-патриота.

Услышав про тяжелую артиллерию и снаряды, оживился генерал-инспектор. У него имелась своя тайная причина для страданий. Главарт был великим князем и подозревал, что в армии к его высокой должности относятся несерьезно, толкуя ее в нелестном для него смысле – получил-де не за дело, а за романовскую кровь. Поэтому его высочество не упускал случая продемонстрировать свою компетентность. Память у него, как у всех Романовых, была превосходная. С четверть часа Главарт запальчиво доказывал присутствующим, что его ведомство и так делает всё возможное, что дополнительных ресурсов взять негде, а о трех– или четырехкратном усилении Запфронта говорить просто смешно.

– Тогда я считаю наступление невозможным, – сказал Главзап, желая лаконичностью реплики выгодно оттенить многоречивость великого князя.

– Прошу вас, ваше высокопревосходительство, – пригласил Главштаб третьего командующего, сухопарого и щеголеватого генерала-от-кавалерии.

Юго-Западный фронт был значительно слабее Северного и Западного – противостоящих ему австрийцев считали силой не такой опасной, как немцы. Поэтому серьезных предложений от Главюгзапа не ждали.

– Не берусь говорить о других фронтах, ибо их не знаю, – сердито начал третий командующий.

Он вообще все время, с самого начала войны, пребывал в перманентном раздражении. Считал, что верховные начальники ведут войну неправильно (чтоб не сказать – бездарно). Надо поскорее браться за ум, иначе всё будет потеряно. Если Главсева можно было причислить к кутузовской школе военного искусства, то Главюгзап несомненно являлся убежденным последователем суворовской.

– Да, не берусь, – еще резче повторил он, готовясь сразу сказать главное. Тонкий ус, наполовину седой, подергивался на остром породистом лице. – Но Юго-Западный фронт, по моему убеждению, не только может, но и должен наступать. Полагаю, что у нас есть все шансы для успеха.

Эти слова он отчеканил со всей возможной отчетливостью, глядя только на государя. И умолк, ожидая вопросов.

Главштабу этот аристократ никогда не нравился. Вот и сейчас подчеркнутое апеллирование к монарху показалось председательствующему бестактным. И неумным. Ведь всем отлично известно, что истинным предводителем российских армий является не царь, а он, Главштаб, мнением которого его величество руководствуется во всех стратегических вопросах.

Этот заслуженный генерал действительно был опытным полководцем. Весь смысл его жизни заключался в службе. Он, беспородный солдатский сын, в эпоху невиданных испытаний оказался у руля многомиллионной армии – эта мысль, с которой он просыпался каждое утро, делала его счастливым и прибавляла сил.

– Должен вас предупредить, генерал, что подкреплений для вас взять неоткуда, – сухо сказал невзрачный, скуластый Главштаб красавцу Главюгзапу. – Вы, должно быть, отвлеклись и не слышали?

– Я не прошу подкреплений. Обойдусь тем, что есть.

Надменный «паж» (про себя Главштаб называл генерала именно так, ибо тот когда-то окончил Пажеский корпус) по-прежнему смотрел только на государя.

– И сколько же времени вам понадобится на подготовку?

– Шесть недель.

Двое остальных главкомов скептически переглянулись.

– Ну хорошо-с. – Главштаб, иной раз нарочно подчеркивавший плебейскую простоту своей речи словоерсами, подошел к карте. – На каком участке думаете сконцентрировать силы?

– Еще не решил. К тому же не думаю, что следует утомлять его величество и господ генералов техническими подробностями. Дело оперативное, внутрифронтového масштаба.

Устремленный прямо на царя немигающий взгляд становился неприличен. Все знали: государь не любит, когда на него пристально смотрят.

Сам император на Главюгзапа глаз не поднимал, но, разумеется, понимал смысл молчаливого вопроса. Колючий генерал ждал решения лично от венценосца.

Опыта в стратегических материях у царя было в сто, если не в тысячу раз меньше, чем у окружавших его военачальников. Он и по погонам получался всего лишь полковником. Поэтому при важных обсуждениях обычно молчал, внимательно выслушивая все точки зрения. Руководствоваться старался не столько рассудком, который может подвести, сколько сердцем, наитием – его величество искренне верил в мистическую силу Помазания Божия.

Наконец он поднял голову, испытующе посмотрел на Главюгзапа. Прислушался к внутреннему голосу.

Медленно кивнул.

– Хорошо. Действуйте.

Штаб Юго-Западного фронта. 10 апреля

Игривое апрельское солнце пускало зайчики по всем мало-мальски блестящим поверхностям: полированному столу, хрустальной чернильнице, стеклу на портрете государя императора. Это озорничало приоткрытое окно, откуда в комнату поддувало свежим ветерком. Он покачивал раму, непоседливые пятна яркого света заставляли Козловского жмуриться, мешали концентрации.

А разговор был совершенно исключительной важности. Главнокомандующий начал с того, что коротко и сухо выразил удовлетворение работой контрразведочного управления, однако прозвучало это совсем не поощрительно, а скорее угрожающе, ибо закончил свою преамбулу генерал словами: «Но для задачи, которую я перед вами поставлю, обычной старательности и исправности будет недостаточно».

Подполковник знал, о чем пойдет речь. О грядущем наступлении. После возвращения из Могилева главком неделю почти не выходил из кабинета, только адъютанты с воспаленными от бессонницы глазами бегали взад-вперед – то на телеграфный пункт, то к радистам. Его высокопревосходительство в одиночку колдовал над планом операции. Первый, кого он к себе вызвал после ворожбы, был начальник контрразведки. Едва войдя в кабинет, князь сразу поглядел на стену, где висела карта фронта, но сегодня она была задвинута шторами.

– Говорят о наступлении? – вдруг спросил главком. – В войсках?

– Так точно, ваше высокопревосходительство.

Отвечая, Козловский сделал попытку подняться, но генерал ткнул в него пальцем – будто пригвоздил к креслу.

– Это хорошо. Повышает боевой дух. И плохо – противник насторожился. Удесатерит разведывательную активность. Учитывая ограниченность имеющихся в моем распоряжении ресурсов, главную ставку я делаю на фактор внезапности...

Подполковник понял, что беседа дошла до главного, подобрался.

– Все предыдущие попытки наступления проваливались из-за того, что противник заранее знал направление наших ударов. Если и в этот раз не удастся соблюсти секретность, нас разобьют. Положу сотни тысяч людей, а результата не добьюсь.

«Старик» говорил очень спокойно, тихо. У него была репутация сухаря, человека холодного и резкого. Штабные леденели под взглядом его медленных голубых глаз. Уважать уважали, но не любили. Гневаясь, генерал никогда не кричал – наоборот, понижал голос. Говорили, что и с высочайшим начальством он не церемонничает.

– Ваше управление должно обеспечить подготовке идеальное прикрытие.

Он приподнял брови, позволяя задать вопрос.

– Ваше высокопревосходительство, после того как меня... перевели сюда из Петрограда, – не совсем ловко выразился Козловский, имея в виду кадровую чехарду, случившуюся зимой после смены руководства контрразведки, – я сумел перетянуть на наш фронт лучших своих сотрудников. Уверен, что мы справимся с любой задачей. Однако я должен хорошо понимать ее конкретное содержание.

– Разумеется.

Главком встал и подошел к карте. Раздвинул занавески.

С изумлением князь увидел, что красных флажков, которыми обозначается направление ударов, что-то слишком много.

– Завтра начинается подготовка на 25 участках моего тысячеверстного фронта. Инженерно-саперные работы, движение войск, всевозможная активность. Цель сей суеты – сбить противника с толку. Гетцендорф не будет знать, к какой точке ему стягивать резервы. Этого пока никто кроме меня не знает. – «Старик» вздохнул. Ткнул указкой в один из флажков и

неохотно проскрипел. – Участок номер 12. Мы ударим здесь. Теперь это известно двоим: мне и вам. Завтра я посвящу в тайну начальника штаба и четырех генералов, которые возглавят прорыв. Дальнейшее расширение круга посвященных не предусмотрено. Вплоть до дня «Минус Два».

Козловский сделал движение – чуть приподнялся. Это означало: не понял?

– День «Минус Два» – 48 часов до начала наступления. Время, необходимое для размещения на огневых позициях тяжелой артиллерии и переброски подкреплений на передовую. За двое суток австрийцы, даже зная, откуда мы ударим, серьезных резервов подтянуть все равно не успеют. Теперь ваша задача ясна?

– Так точно. Отвести подозрение от участка 12.

– Но учтите: ваши люди не должны проявлять там никакой подозрительной активности. Нельзя резко увеличивать личный состав. Привлечение кадров со стороны может быть лишь самое минимальное, не бросающееся в глаза. Вам самому там появляться не следует. Разве что очень коротко, для видимости, как бы с обычной инспекцией. Понимаю, что все эти ограничения усложняют вашу работу. Однако у противника прекрасно налажена разведка во фронтовой полосе и в нашем ближнем тылу. Малейшая неосторожность чревата катастрофой.

Уяснив задачу, князь дальше слушал вполуха. Про австрийскую разведку и меры маскировки он, слава Богу, знал побольше его высокопревосходительства и уже начал прикидывать, как все устроить и кому поручить.

В дверь постучали. Заглянул старший адъютант, немолодой полковник.

– Ваше высокопревосходительство, вы велели предупредить...

Генерал досадливо скривил губы.

– Уже здесь? Ее императорское величество пожаловали. Пожелали оказать честь личным посещением.

Князь почтительно склонил голову. О приезде ее величества он, разумеется, знал. Царица объезжала эвакогоспитали на собственном санитарном поезде. Неудивительно, что изволила посетить и Главюгзапа.

– Как не вовремя! Мы с вами не закончили. – «Старик» показал в дальний угол. – Встаньте вон там. Долго это не продлится.

Высочайшее посещение

С тех пор, как государь, следуя голосу сердца и своему Божественному предназначению, лично возглавил обескровленную армию державы и перенес резиденцию в Могилев, управлением огромной империей занималась царица. Ей делали доклады руководители гражданских ведомств и губернаторы. Организацией тыла тоже ведала она. Все эти многотрудные обязанности ее величество исполняла старательно, с истинно немецким прилежанием и истинно православной верой в Промысел Господний, но по-настоящему государыне давало отраду лишь попечение над ранеными воинами.

Еще в начале войны она и ее старшие дочери прошли курс медицинского обучения и работали сестрами милосердия, не страшась крови и грязи. Лечебные учреждения, созданные императрицей, почитались образцовыми. И теперь, когда царица чувствовала, что изнемогает под бременем государственных забот, единственный отпуск, который она себе позволяла, заключался в инспекционных поездках по фронтовым госпиталям.

Всякую другую монархиню, столь самоотверженно трудящуюся ради отчизны, в народе бы боготворили. Но у ее величества не было дара вызывать любовь подданных. Все ее поступки истолковывались превратно, в самом благородном деянии видели лишь позу и фальшь.

Подполковник Козловский никогда не наблюдал императрицу вблизи, даже когда служил в гвардейской кавалерии. Поэтому, забравшись в угол кабинета и постаравшись слиться со шторой, он воззрился на открытую дверь с любопытством.

Послышался сдержанный гул голосов. Летящим шагом, который должен был знаменовать решительность и целеустремленность, вошла государыня. Она была в наряде милосердной сестры, с большим, но очень простым медным крестом на груди.

Главком склонил голову. Козловский вытянулся и спрятал палку, чтоб не бросалась в глаза. Он стеснялся своей хромоты.

Впрочем, августейшая особа в его сторону не посмотрела.

– Здравствуйте, милый, здравствуйте, – сказала она генералу с легким акцентом, но с совершенно русскими интонациями. – Ну что вы...

Это она не позволила поцеловать себе пальцы – взяла главкома обеими руками за кисть и прижала ее к своему сердцу.

– Знаю, всё знаю. Великую на себя ношу взвалили, храни и оберегай вас Господь!

Притянула плохо гнущегося генерала к себе, поцеловала в лоб.

«Зачем уж так-то?» – подумал подполковник. И заключил: «Хочет быть душевной, по-русски. Старается». И стало ему вдруг жалко повелительницу империи.

«Старик», деревянная душа, ни польщенным, ни растроганным не выглядел. Мог бы хоть видимость изобразить, из уважения к сану и полу. А он:

– Ваше величество, стоило ли утруждаться. Я бы сам явился к вам в вагон. Вот только дела срочные завершил бы...

В дверях и коридоре стояла многочисленная свита: военные в больших чинах, какие-то штатские господа, дамы.

– Дорогой вы мой, разве сейчас до церемоний? – сердечно молвила императрица. – Ну рассказывайте, что у вас происходит? Что наступление?

Обернувшись, она подала знак, и сопровождающие попятились. Адъютант снаружи прикрыл дверь.

– Я молюсь за успех вашего великого начинания денно и ночью! Как движется дело?

– Готовлюсь, ваше величество, – коротко ответил генерал.

Царица увидела карту с флажками. Подошла.

– Куда ударите? На Львов? На Перемышль?

Главнокомандующий изобразил простодушие – эта мина на его надменном лице выглядела крайне неубедительно.

– Пока еще не определился. Вот, сами изволите видеть: веду разведку на двадцати пяти участках.

Козловский не поверил собственным ушам. Лгать государыне? Невообразимо!

– А когда решите?

– За 48 часов до начала операции, – сказал он твердо и не отвел глаз от ее пристального взгляда.

После некоторого замешательства она спросила:

– Разве так бывает? Вы, верно, к чему-то все-таки склоняетесь?

– То к одному, ваше величество, то к другому.

Ее величество вспыхнула. На бледных щеках проступили красноватые пятна. С лица сползло выражение сердечности, и оно сразу стало более естественным. Неприязненно, с горькой обидой царица смотрела на полководца. Козловский переступил с ноги на ногу, ему хотелось провалиться сквозь землю, только бы не присутствовать при затянувшейся мучительной паузе.

Движение привлекло внимание императрицы. Она взглянула на незнакомого офицера. Он щелкнул каблуками – кивнула. Представлять подчиненного главком не стал, ибо невелика птица.

– Всеподданнейше признателен за высокую честь, – сказал Старик тоном, означавшим: шли бы вы с Богом, ваше величество, мешаете работать.

Князь снова поежился. А императрица – вот что значит выдержка и королевское воспитание – улыбнулась грустно и снисходительно. «Знаю, что меня не любят, – значила улыбка, – но Господь вам всем судья».

Из подвешенного к поясу ридикюля она вынула образок на цепочке.

– Вы заняты, не стану больше отнимать у вас времени. Я, собственно, хотела лишь вручить вам образок святого Николая-чудотворца. Пусть он принесет вам победу.

Императрица повесила иконку на шею почтительно склонившемуся генералу, вновь поцеловала его в лоб, но губами не коснулась. Перекрестила, повернулась, вышла.

Страдая за нее всем сердцем, подполковник как можно громче щелкнул каблуками и вытянулся прямее собственной трости. Не из угодливости, а желая хоть как-то загладить грубость начальника. Но царица шла к двери, низко опустив голову, и на офицера не смотрела.

– Все ей надо знать, – проворчал главком, когда они с Козловским остались наедине. – Чего захотела! Направление удара ей сообщи.

– Но ведь императрица! – не сдержался князь.

И немедленно за это получил.

– Хоть сам император, – ожег его ледяным взглядом «Старик». – Вы плохо меня слушали, подполковник. О направлении удара до самого последнего момента будут знать лишь семь человек: вы, я, начальник моего штаба, командующий и начштаба Восьмой армии, командир ударного корпуса и начальник артиллерии. Ясно?

– Так точно, ваше высокопревосходительство!

– Ну, и еще Николай-чудотворец, разумеется. – Главком скосил глаза на образок, поцеловал его и убрал под китель. – Но довольно лирики. Смотрите вот сюда. – Указка уперлась в точку с надписью «мест. Русиновка». – Именно на этом десятикилометровом отрезке близ местечка Русиновка мы сосредоточим всю мощь артиллерии и наш ударный кулак. Я выбрал участок фронта, занимаемый «швейцарской» дивизией, потому что у австрийцев она считается небоеспособной и оборона там слабо эшелонирована.

От груза новостей, от нервной сцены, свидетелем которой он только что стал, Козловский несколько смешался. «Какой еще швейцарской? – подумал он. – Швейцария вступила в войну и прислала нам дивизию? Не может быть, я бы знал!»

– Виноват?

– 74-ой пехотной, – нетерпеливо пояснил генерал.

Князю стало стыдно собственной несообразительности. 74-ая пехотная дивизия была укомплектована из питерских швейцаров и дворников, которых на исходе второго года войны мобилизовали в действующую армию. Про это соединение рассказывали, что окопы там чисто выметены, в блиндажах и землянках ни соринки. Везде царит идеальный порядок. Только в атаку дивизия ходить не любит. «Ура!» кричит громко и дружно, а из траншей не вылезает.

– В последние двое суток «швейцаров» мы выведем в резерв, а вместо них запустим гренадеров и сибирцев, – продолжил Старик. – Но до того времени придется вам использовать их штатное отделение контрразведки. Вам самому, повторяю, мелькать там незачем, это наверняка привлечет внимание австрийских шпионов.

Он тяжело вздохнул и тоном скупого рыцаря, вынужденного расстаться с дублоном, буркнул:

– Ладно, можете посвятить в тайну офицера, который будет работать на месте. Он будет восьмым посвященным. Есть у вас кто-нибудь подходящий? С скромный, не привлекающий внимания?

У Козловского ответ был готов.

– Так точно, есть. Именно какой надо. Годами зелен, вида несолидного. На него никто особенного внимания не обратит. Но инициативен, точен. Одно слово – математик. Участвовал в очень серьезных операциях. Его зовут...

– Меня не интересует, как зовут исполнителя, – оборвал князя главнокомандующий. – Довольно, что я знаю вас. С вас, если что, и спрошу.

«Швейцарская» дивизия. 17 апреля

На передовой было тихо. Никто не стрелял, над зигзагами траншей, над нейтральной полосой весело насвистывали птички. Но офицер, двигавшийся со стороны тыла по ходам сообщений, сильно нервничал. Чем ближе была первая линия обороны, тем неуверенней становились его движения. Поручик то и дело с опаской прищурился на вражеские позиции (они таились где-то у опушки леса, темнеющего на дальнем краю поля), прижимал к себе большой кожаный планшет.

По дороге ему встретился вестовой, спешивший куда-то с поручением. Офицер спросил, где полковой адъютант. Солдат махнул в сторону передовой, куда поручику идти ужасно не хотелось. Он тяжело вздохнул, поколебался, но посмотрел на часы и, выругавшись, все-таки пошел.

Время было раннее, послерассветное. В окопах не наблюдалось никаких признаков жизни. Тыловику, как на грех, никто больше не встретился. Он запутался в поворотах и уж думал повернуть обратно, но у начала узкой траншеи, что тянулась к небольшому холму, увидел штабс-капитана с лихо закрученными усами и мятой физиономией. Тот крепко спал, устроившись на деревянной скамеечке и привалившись к стенке.

– Позвольте, где я могу найти адью... – начал поручик, но спящий всхрапнул и грозно сдвинул брови.

Тут заблудившийся увидел на высотке какое-то движение и решил, что близок к цели. Вдали сварливо прострелял пулемет. Тыловик присел. Ему очень хотелось побыстрее покончить с делом, приведшим его в эти нехорошие места.

Рысцой, пригнувшись, он побежал вперед.

На холме был оборудован наблюдательный пункт. Точно такой же окоп, как все остальные, но пошире и прикрытый сверху маскировочной сеткой с фальшивыми зелеными листьями. У сдвоенной перископической трубы плечом к плечу стояли четверо солдат в мятых папах и перепачканных глиной шинелях. Этаких чучел увидишь только на передовой.

Поодаль топтался стройный молодой подпоручик в аккуратной полевой форме, что-то чиркал в блокноте.

Никакого адъютанта тут не было.

Разозлившись, что напрасно залез к черту в пекло (поручик был уверен, что его жизни угрожает ежесекундная опасность), он топнул ногой. Получилось довольно звонко – сапог стоял в луже.

Молодой офицерик быстро обернулся, переменялся в лице.

Подскочив к чужаку, взял его за локоть и хотел вывести обратно в траншею. Да еще шепнул, яростно:

– Вы как сюда попали? Кто пустил?

Тон поручику не понравился. Он с возмущением высвободился:

– Я из штаба дивизии! Из хозяйственного отдела! Ваш полк не сдал отчетную ведомость за неделю, а я из-за этого должен рисковать жизнью! Где ваш полковой адъютант Селезнев?

Вообще-то поручик сам был виноват, что вовремя не истребовал ведомость. За это получил нагоняй и в наказание был отправлен за треклятой бумажкой на передовую. Но мальчишке-подпоручику эти подробности знать ни к чему.

На громкий голос оглянулся один из нижних чинов. Солдат был пожилой, лет пятьдесят, с пегой бородой. Не подтянулся, не откозырял, а только недовольно поморщился и снова отвернулся.

– Пачему ваши солдаты не приветствуют офицера? – окончательно вышел из себя интендант. – Распустились, псы окопные!

Теперь на него обернулись и трое остальных оборванцев. Были они какие-то странные. Один с холеными усиками, другой в золотом пенсне, третий вообще с моноклем. И у каждого на ремешке по мощному биноклю. В руке у того, что с усиками, сверкнул алмазной монограммой портсигар – солдат как раз засовывал его в карман брюк. Шинель завернулась. Похолодевший тыловик увидел алый генеральский лампас. Встал «смирно».

– Виноват, ваше превосход... Прошу извинить... – залепетал он.

А тот, что в пенсне, кажется, командир корпуса? Он, точно он!

– Прочь подите, прочь! – шипел на бедного поручика офицерик.

Кинув руку к фуражке, тыловик пулей вылетел обратно в ход сообщения.

– Ваше превосходительство, – чуть не плача сказал подпоручик усатому. – Я же говорил: брюки тоже надо переодеть!

– Поучите меня, мальчишка! – рокотнул генерал, но шинель запахнул.

– Подпоручик прав, Павел Васильевич, – укорил его командующий армией. – Непростительная небрежность. Однако не будем отвлекаться. Итак, квадрат шесть-зет...

Вся четверка дружно вскинула бинокли.

Бремя ответственности

Алексей быстро шел от наблюдательного пункта по траншее, зовя свистящим шепотом:
– Штабс-капитан Жилин! Жилин!

Из-за Жилина, начальника дивизионного контрразведочного отделения, случилось чрезвычайное происшествие, ставящее под угрозу всю операцию. Никто, ни одна живая душа не должна была видеть на высоте высоких начальников. Личный состав батальона, занимающего этот сектор, специально вывели на молебен, рискуя оголить окопы – благо затишье. И вдруг чужой!

С штабс-капитаном Романову здорово не повезло. Поскольку увеличивать штат отделения было нельзя, Козловский велел своему эмиссару обходиться наличными кадрами. Сам Алексей прибыл к «швейцарам» под видом стажера, с него хотели для пущей незаметности даже одну звездочку снять, но потом решили, что подпоручик и так сошка мелкая.

Начальник отделения был извещен о том, что поступает в полное распоряжение «стажера», которому поручено какое-то секретное задание. Больше Жилин ничего не знал. Правду сказать, он и не слишком интересовался. Человек это был совсем пустой, глупый. При нем состояли старший унтер-офицер и несколько солдат, так те были много толковей своего предводителя.

Очень скоро Алеша понял, что Жилину ничего сложного поручать нельзя. Потому и приставил его сегодня к делу самому простому: караулить вход в траншею и никого ни под каким видом не пропускать. Любой нижний чин бы справился!

Штабс-капитан выскочил из-за поворота, хлопая заспанными глазами. Неужели дрых?!

– Я здесь! Как лист перед травой! – хрипло доложил Жилин. – Все в порядке. Никто не появлялся.

Из хода сообщения вынырнул старший унтер-офицер Семен Слива, его помощник.

– Ваше благородие, отсюда только что вышел посторонний! – сообщил он. – Чумной какой-то, мимо протопал – не заметил!

Вот на унтера Алексей просто нарадоваться не мог. Поглядеть – солдафон солдафоном: дубленая рожа, огромные кулаки. Прямо унтер Пришибеев. А на самом деле сообразителен, проворен, отлично знает местность. До войны служил здесь в пограничной страже. Его прислали из глубинки, когда проводилась кампания по замене прежнего личного состава, прикормленного контрабандистами.

Субъект он был своеобразный, с характером. «Хохлов» презирал, называл дураками. Ему все в них не нравилось – даже, что мало водки пьют. Слива, впрочем, почти всех считал дураками и себе не ровней. Заслужить у него уважение Романову удалось не сразу. Когда же унтер все-таки признал нового начальника, на Жилина вообще перестал обращать внимание. Он и сейчас глядел только на подпоручика, будто они здесь находились вдвоем.

– Кто таков? Знаете? – спросил Алеша.

– Так точно, видел в Русиновке. В штабе дивизии.

Слива всегда всё знал, даже удивительно.

– А я говорил, ваше благородие, меня в караул поставьте, – сказал он с упреком. – У меня бы мыша не прошмыгнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.